

СПОРЫ БЕЗПОПОВЦЕВЪ

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА И ПОКРОВСКОЙ ЧАСОВНИ

О Б Р А К Ъ.

Безпоповцы издавна раздѣлялись на двѣ главныя секты: поморскую и Ѳедосѣевскую. Первоначальное ихъ раздѣленіе не составляетъ собою замѣчательнаго событія въ безпоповщинской сектѣ. Правда, раздоры были сильныя, поморцы и Ѳедосѣевцы расходились не на малое время, споры ихъ выражались во взаимной брани и даже отлученіяхъ; но все это само собою проходило, потому что не важны были и самыя предметы ихъ раздоровъ. Были напр. споры о томъ, какъ писать титуло на крестѣ Спалителя; нужно ли освящать пищу, покупаемую на торгу. Ѳедосѣевцы укоряли поморцевъ, когда они, вслѣдствіе строгой комиссіи Самарина, принуждены были принять молитву за царя и т. п. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что и въ этихъ незначительныхъ разносіяхъ поморцы всегда отличались большею мягкостію и уступчивостію характера. Такъ они не имѣли столько презрѣнія ко «внѣшнимъ», чтобы считать, подобно Ѳедосѣевцамъ, за необходимое освящать купленную на торгу пищу; и въ самомъ принятіи (хотя невольномъ) молитвы за царя они показали меньшую привязанность къ преданіямъ своихъ от-

цовъ. Этой-то сектѣ, менѣе преданной старинѣ, болѣе поддающейся вліянію совершающихся историческихъ перемѣнъ, суждено было дать безпоповщинѣ другое направленіе,—суждено испровергнуть самые основные принципы безпоповцевъ.

Секта еедосѣвцевъ сосредоточила главныя свои силы на Преображенскомъ кладбищѣ; представителемъ отъ поморцевъ сдѣлалась Покровская часовня. При самомъ началѣ образованія этихъ двухъ безпоповщинскихъ притоновъ произошелъ между ними споръ о бракѣ. Вопросъ поднять и все съ большей и большей силой защищаемъ былъ Покровской часовней. Но такъ какъ этотъ вопросъ касался всей сущности безпоповщины, такъ какъ вопросъ о бракѣ совершенно противоположенъ былъ ея аскетическому направленію, вслѣдствіе этого произошелъ серьезный споръ, образовалось существенное раздѣленіе между поморцами и еедосѣвцами.

Впрочемъ вопросъ о бракѣ занималъ еще на первыхъ порахъ вниманіе безпоповцевъ, хотя невозможно опредѣлить, насколько онъ рѣшенъ былъ положительнымъ образомъ. Намъ кажется, что безпоповцы въ этомъ случаѣ только и выработали для себя одно сомнѣніе. Они не рѣшались принять бракъ, отвергнувъ священство, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли и совершенно отвергать его: потому что предводители раскола должны же были сознавать, что немислимое дѣло—заставить всѣхъ, безъ всякаго исключенія, вести жизнь безбрачную. И мы видимъ, что наставники безпоповцевъ въ этомъ случаѣ приспособлялись къ обстоятельствамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько возможно, старались избѣгать положительнаго отвѣта на вопросъ о бракѣ. Такъ напр. о Феодосіѣ (основателѣ секты еедосѣвской) нѣкоторыя рукописи говорятъ, что онъ допускалъ браки, а другіе, напротивъ, что расторгалъ (*). Равнымъ образомъ объ Андреѣ Денисовѣ,

(*) См. письмо Зенкова къ Василью Емельянову; рук. Публ. Библиотеки № 37.

касательно этого вопроса, ничего нельзя сказать определеннаго. Довольно того, что нѣкто Вышатиный, одинъ изъ приближенныхъ Денисова, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у безпоповцевъ, сказалъ ему: «я вамъ не товарищъ буду на судѣ Божиѣмъ въ томъ, яко браки затвористе.» Еслибы Денисовъ съ полной увѣренностью отрицалъ бракъ, то вѣроятно онъ укорилъ бы его за такія «поповщинскія» мысли. Но этого мы не видимъ. Денисовъ касательно такого рода вопросовъ говорилъ: «какъ судѣ разумныхъ изволить.» Подобно Вышатиному поступалъ извѣстный у безпоповцевъ Леонтій Федосѣевичъ. Если къ нему обращались съ усердной просьбой принять въ общество не расторгая брака, то онъ иногда принималъ. «Бысть Іакова Семенова уставщика о братѣ его Петрѣ прошеніе, да приметь его съ женою», и Леонтій согласился. Вслѣдствіе подобныхъ фактовъ, мы принуждены согласиться, что мнѣніе о бракахъ было «сѣмо и овамо: вы отецъ нашихъ, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, не были въ секретныхъ о томъ судахъ, убо и вѣдать вамъ намѣренія ихъ невозможно» (*). Но какъ бы то ни было, рано или поздно безпоповцы должны же были положительно рѣшить вопросъ о бракѣ; должны были или окончательно отвергнуть семейную жизнь, или принять бракъ не въ видѣ исключеній, но въ видѣ только одного потворства и снисхожденія.

Главный основатель Покровской часовни, Василій Емельяновъ, первый допустилъ въ своей общинѣ семейную жизнь. Онъ всѣхъ приходившихъ къ нему безпоповцевъ сталъ благословлять на бракъ: «женившійся не согрѣшаетъ, бракъ чистъ и ложе нескверно», говорилъ онъ. Такимъ образомъ, когда Илья Алексѣевъ (въ 1771 г.) въ устроенномъ имъ Преображенскомъ кладбищѣ ввелъ всеобщее и безусловное дѣвство, въ тоже почти время Василій Емельяновъ въ своей Покровской часовнѣ сталъ всѣхъ благословлять на бракъ. Василій Емельяновъ пользовался огромнѣйшимъ авторите-

(*) См. сочиненіе Ивана Алексѣева «О тайнѣ брака».

томъ между безпоповцами, не говоря уже о поморцахъ, даже еедостѣвцы уважали его. Такъ Зенковъ, еще бывши членомъ Преображенскаго кладбища, въ письмѣ къ Василію Емельянову, называетъ его пастыремъ и учителемъ, единственнымъ человекомъ, исполненнымъ правды и истины: «ты самимъ Богомъ наученный, говоритъ онъ, ты намъ Богомъ поставленный предводитель на правый путь; о тебѣ все упованіе наше, тобою чаемъ спастись» (*) и т. д. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одного сочиненія Василія Емельянова. Впрочемъ онъ и не былъ замѣчательнъ, какъ раскольниковскій писатель: въ каталогъ Павла Любопытнаго упоминается только два его сочиненія о бракѣ. Василій Емельяповъ былъ человекъ жизни и дѣла, а не теоріи; дѣйствовалъ единственно по влеченію своего сердца, по убѣжденію простаго разсудка. А такой человекъ, съ прямымъ и естественнымъ взглядомъ на вещи, скорѣ могъ придти къ той простой мысли, что пустынную жизнь невозможно вести въ городахъ, что аскетизмъ и подвижничество не мирится съ столицей. Преображенское кладбище служило для него въ этомъ случаѣ очень назидательнымъ примѣромъ: оно представило ему страшную картину разврата; онъ ясно видѣлъ, какъ у этихъ мнимыхъ аскетовъ, поселившихся въ Москвѣ, все съ большею и большею силой распространяются пороки. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, самая главная причина возвращенія одной части безпоповцевъ къ семейной жизни это—крайній развратъ въ другой. Мы дальше увидимъ, что чѣмъ больше усиливается развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ, тѣмъ сильнѣе защищаетъ Покровская часовня брачную жизнь. Василій Емельяновъ, разрѣшивъ для всѣхъ семейную жизнь въ своей общинѣ, не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ: справедливо ли допускать бракъ безпоповцу, не будетъ ли это прямымъ противорѣчіемъ преданію отцовъ и т. д.; для него было довольно того, что это дѣло не противорѣчитъ его совѣсти, «не претить» его разсудку.

(*) См. рук. Публ. Библ. по отд. бракоборныхъ сочиненій № 37с

Нашу мысль подтверждаетъ слѣдующій фактъ. До выголексинской общины дошелъ слухъ, что въ Москвѣ изъ секты поморской образовалось сословіе брачущихся, гдѣ допускаются браки не какъ исключенія, а какъ общее право каждаго, желающаго вести семейную жизнь. Вслѣдствіе этого, необыкновеннаго для безпоповцевъ случая, здѣсь былъ собранъ соборъ. Много разсуждали раскольники « о распрахъ и раздорахъ, явившихся въ настоящее плачевное время въ чадѣхъ церковныхъ. » Особенно же всѣхъ занимала весьма важная задача: « о новозаведенномъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкихъ христіанъ сомнительномъ толкованіи о бракѣ. » Главнымъ представителемъ этихъ нѣкихъ христіанъ и былъ Василій Емельяновъ. Онъ призванъ былъ на Выгу, чтобы рѣшить христіанское сумлѣніе. Споръ былъ, по обыкновению, горячій и продолжительный; и Василій Емельяновъ, вполнѣ увѣренный въ правотѣ своего дѣла, но какъ человекъ не книжный, сдался на различныя убѣжденія выговцевъ и принужденъ былъ подписаться подъ слѣдующія положенія, вызванныя его нововведеніемъ: 1) о бракахъ учить такъ, какъ прежніе отцы учили; 2) истиннымъ бракомъ признавать только благословенный священникомъ; 3) брачущихся отлучать; 4) вновь поступающихъ (въ безпоповство) принимать не иначе, какъ съ разводомъ; 5) проповѣдующихъ брачную жизнь отлучать. « Къ сему обязательному писью, еже впредь защищенія безсвященнословнымъ бракомъ чинить не буду »; такъ подписался Василій Емельяновъ (*). Несмотря на эту подписку, Василій Емельяновъ, возвратившись въ Москву, по прежнему сталъ благословлять на бракъ. Также призывалъ къ себѣ на судъ по этому поводу Василю Емельянова Илья Ковылинъ. Емельяновъ предъ нимъ рѣшился было оправдать свое нововведеніе, но Ковылинъ не сталъ его слушать, ударилъ нѣсколько разъ по щекѣ и прогналъ.

(*) Дальше слѣдуютъ подписи его сообщниковъ: грѣшный Іона, послѣдній всѣхъ Тимофей Андреевъ, убого-послѣдній Симеонъ Иродіоновъ, всеняжайшій и убого-послѣдній Иванъ Сидоровъ. Рук. Пуб. Библ. № 29.

Такимъ образомъ Василій Емельяновъ былъ только вводителемъ и покровителемъ семейной жизни; но не съ его силами и знаніемъ было возможно защищать ее. Впрочемъ мы этимъ самымъ не хотимъ сказать того, что личность и дѣятельность Василя Емельянова были незначительны. Въ этомъ случаѣ у раскольниковъ много значитъ примѣръ, который имъ подаетъ ихъ наставникъ, наставникъ всѣми уважаемый, и, по ихъ мнѣнію, человекъ святой и праведной жизни. Фактъ былъ допущенъ, бракъ возведенъ въ жизнь всѣми уважаемымъ наставникомъ, — и это уже много значило. Притомъ, жизнь вырабатываетъ извѣстные законы, извѣстныя условія и правила общества, а не наоборотъ. Не было особенной нужды въ бракѣ, когда безпоповцы жили въ городахъ, лишенные всякой свободы, — и никто не смѣлъ доказывать его необходимость; но прошло время гоненій, явилась возможность возстановить семейную жизнь, высказана была Васильемъ Емельяновымъ, хотя бездоказательно, необходимость семейной жизни, этого на первый разъ и довольно: защищать же извѣстное, необходимое требованіе, высказанное обществомъ, всегда найдутся люди между его членами.

Поэтому-то изъ среды Покровской часовни, какъ скоро она допустила семейную жизнь и такимъ образомъ вызвала противъ себя вражду Преображенскаго кладбища, тотчасъ выступили болѣе или менѣе сильные защитники брака, написавшіе по этому поводу множество сочиненій, въ которыхъ они съ одной стороны доказывали законность своего брака, съ другой — вооружались и отрицали безусловное требованіе Преображенскаго кладбища всеобщаго дѣвства.

Изъ исторіи Преображенскаго кладбища и Покровской часовни видно, что они и во внѣшнемъ своемъ устройствѣ рѣзко отличались между собою; на сколько же противоположна самая внутренняя жизнь той и другой партіи, — партіи Преображенскаго кладбища и покровцевъ, — мы увидимъ, разсматривая нѣкоторыя извѣстныя намъ сочиненія наставниковъ Покровской часовни, которыя были написаны ими или въ за-

штану известнаго ихъ понятія о бракѣ—апологетическія, или въ опроверженіе мнимаго дѣвства еедостѣвскаго — полеми-
ческія.

I.

Къ числу перваго рода писателей (апологетовъ) относятся сочиненія: Скачкова и Заяцевскаго.

Павелъ Любопытный въ своей раскольниковской библиографіи отзывается о Скачковѣ съ особенною похвалою. Дѣйствительно изъ нѣкоторыхъ известныхъ намъ его сочиненій нельзя не видѣть въ Скачковѣ человѣка очень начитаннаго, и, главнымъ образомъ, человѣка мало стѣснявшагося тѣми безпоповщинскими понятіями, которыя, по его мнѣнію, не мирились съ сущностію христіанскихъ началъ. Такъ онъ въ одношъ изъ своихъ сочиненій (о двухъ путяхъ) прямо высказываетъ такого рода мысль, что безпоповцы, отвергая бракъ и допуская только одно дѣвство, не могутъ повтому назваться истинными христіанами. Истинная и православная Церковь никогда не требовала отъ своихъ членовъ непремѣннаго дѣвства, и если христіанство можетъ быть поставлено какими-либо обстоятельствами въ подобное положеніе, то оно въ такомъ случаѣ теряетъ тотъ свой основной характеръ, о которомъ Иисусъ Христосъ сказалъ: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть.» Отсюда Скачковъ дошелъ до убѣжденія, что Иисусъ Христосъ, заботящійся о нашемъ спасеніи, «того ради и заповѣди легкія даде; вѣрующимъ въ Него не единовидное и единодѣятельное житіе устроилъ, но два спасительные пути предложилъ—путь дѣвственный и брачный. Такимъ образомъ Скачковъ, начиная борьбу съ еедостѣвцами, признающими одно дѣвство, не впалъ въ какую-либо противоположную крайность. Онъ не называетъ дѣвство, подобно Лютеру, не естественнымъ и уродливымъ явленіемъ; напротивъ, относится къ нему съ должнымъ уваженіемъ. Дѣвство должно почитать выше брака: отъ Дѣвы Самъ І. Христосъ родился и многіе изъ учениковъ Его были дѣвственники. Еслибы загражденъ былъ для всехъ этотъ путь, то не было

бы таковыхъ свѣтильниковъ, каковъ Іоаннъ Предтеча и прочіи святіи: Афанасій, Кириллъ и Никола. «Аще бы вси брачнїи были, говорить онъ, — то имѣли бы неотложное попеченіе о своей женѣ и дѣтахъ, и како бы возмогли встати противу враговъ нападающихъ на Церковь Христову? Не было бы имъ столь свободнаго времени гремѣти златословесными ученїями, и Церковь Христова не имѣла бы такового богатства разума.» Вообще Скачковъ доказываетъ, что дѣвство постоянно должно пребывать въ православной Церкви «ради умноженїя талантовъ.»

Отдавая полное уваженіе дѣвственной жизни, Скачковъ говоритъ, что несправедливо при этомъ возвышать ее въ ущербъ брачной, безразсудно требовать отъ всѣхъ непремѣннаго дѣвства. Самъ Спаситель почтилъ бракъ, сотворивъ здѣсь первое Свое чудо, о дѣвствѣ же прямо сказалъ: «не вси могутъ совмѣстить словеса сего, но имъ же дано есть.» Далѣе, онъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ посланїй апостола Павла, и наконецъ множество свидѣтельствъ изъ ученїя св. Отцовъ; наприм. слова Кирилла Іерусалимскаго: «и ты бо (т. е. дѣвственникъ), иже чистоту имаши, не отъ женившихся ли рожденъ еси? Егда злато стяжалъ еси, сребро ли отнѣщеси?» Вслѣдъ за подобными свидѣтельствами Скачковъ говоритъ, что даже и съ цѣлою исторїей ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви несообразно отвергать брачную жизнь: «откуда бы родился Ной, праотецъ нашъ? Откуда бы Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Предтеча Іоаннъ, Никола и прочіи святіи? Все отъ законнаго супружества произошло. Притомъ не только отъ обоихъ правобѣрныхъ, но и отъ таковыхъ, которые вѣрные съ невѣрными въ законномъ сопряженїи пребывали; отъ нихъ же Григорій Богословъ, Климентъ Никирскій и прочіе. Итакъ всякій благоразумный долженъ согласиться съ нами, что возлюбленная невѣста Христова св. Церковь сими двумя чинами — дѣвственниками и супружными, яко двѣма крылами орла великаго, ими же возлетая къ Пренепорочному своему Же-

ниху—Христу возносить и всѣхъ, въ объятіяхъ ея пребывающихъ; отъими едино крыло самыя прелествѣйшія птицы, тогда она не можетъ возлетати на высоту. Тако аще отъимеши единъ чинъ дѣвственныхъ, или супружныхъ отъ св. Церкви, то она не можетъ быть истинная невѣста Христова. Поэтому и св. соборы предавали проклятію тѣхъ, которые презирали брачный путь: аще кто дѣвствуетъ или воздержится, яко же мерзость творяще бракъ, говорить 9-е правило гангрскаго собора, да будетъ проклятъ».—Такой общій взглядъ на дѣвство и супружество высказалъ Скачковъ въ своемъ сочиненіи «О двухъ путяхъ» (*), которое онъ заключаетъ слѣдующимъ нравоученіемъ:

Различные пути въ небесно царство «вводятъ»;

Которые по нихъ разумно прямо ходятъ:

Отъ скверныхъ дѣлъ бѣгутъ, хранятъ святое дѣвство;

Словами, дѣломъ всѣ являютъ чисто дѣйство.

Не могутъ ли вмѣстѣ, въ законный бракъ вступаютъ;

Дѣтей родятъ себѣ и Бога прославляютъ.

Единая Церковь всѣхъ въ объятія пріемлетъ,

Христосъ ея женихъ хранить и не воздремлетъ.

Не пуститъ Онъ волковъ, чтобъ стадо разогнали,

Нелѣпность бы ввели, законъ святой попрали;

Предѣлы бы Творца, конечно, отложили,

Хотѣнія своя на вѣки бы утвердили;

Словесныхъ естеству въ иное претвориться:

Съ женами всѣмъ не жить и дѣтямъ не родиться.

Но въ камень претворить едва ли всѣхъ возможно.

Все сказанное здѣсь воистину не ложно.

Доказавши такимъ образомъ еедосѣвцамъ, что Покровская часовня не противорѣчитъ христіанскому ученію, допускающая бракъ, и что дѣвство не есть единственный путь ко спасенію, Скачковъ разрѣшаетъ и слѣдующее одно изъ основныхъ возраженій противъ брака Преображенскаго кладбища: мы (т. е. вообще безпоповцы) не должны допускать брачную жизнь по самой необходимости, ибо нѣтъ священства (іерархія), слѣдовательно нѣтъ таинствъ, нѣтъ и брака (разумѣя здѣсь, конечно, бракъ законный, бракъ какъ таинство).

(*) См. рук. Публ. Библиотеки, по отд. бракоборныхъ сочиненій, № 29.

Надобно замѣтить, что покровцы и еедосѣвцы относительно «священства» разсуждаютъ не совсѣмъ одинаковыми обра- зомъ. Въ рукописяхъ наставниковъ Покровской часовни постоянно встрѣчаются подобныя выраженія: «мы такъ посту- паемъ не по презрѣнію къ священству,—мы желали бы имѣть согласнаго священника», и т. д. Подобныя фразы имѣютъ очень важное значеніе, очень характеризуютъ покровцевъ: это можно принять за начало новыхъ понятій безпоповцевъ объ іерархіи, — за начало сознанія ея необходимости. Из- вѣстно, что по ученію первыхъ безпоповцевъ «священство невозвратно улетѣло на небо.» Также думаютъ и еедосѣв- цы; и потому въ ихъ разсужденіяхъ касательно этого пред- мета слышится какое-то озлобленіе, отчаяніе и совершен- ная безнадежность. Еедосѣвцы никогда не высказывали мыс- ли помириться съ іерархіею. Скачковъ же едва ли не пер- вый высказалъ, хотя не сѣло, полунамеками, что «священ- ство не на вѣки пало.» Но какъ бы то ни было, онъ не могъ дальше развивать подобныя, не свойственныя безпоповцу по- нятія. Вслѣдствіе этого ему повидимому оставалось признать одно изъ двухъ: или необходимую нужду въ іерархіи въ оправданіе защищаемаго имъ брака, брака какъ таинства, или согласиться съ еедосѣвцами, что браки, совершаемые По- кровской часовней, незаконны, имѣютъ только значеніе гражданскаго союза. Но Скачковъ, не рѣшаясь ни на пер- вое, ни на послѣднее, съ чисто безпоповщинской точки зрѣ- нія раскрываетъ и защищаетъ предъ еедосѣвцами свой со- вершенно своеобразный взглядъ на бракъ, на бракъ какъ таинство. Передадимъ въ короткихъ словахъ его понятіе о бракѣ: бракъ есть таинство, совершаемое со взаимнаго со- гласія жениха и невесты, по благословенію Божію, въ знакъ союза Христа съ Церковію, для рожденія и воспитанія дѣ- тей въ Царство Христово. Повидимому, такое опредѣленіе таинства брака не рѣзко отличается отъ истиннаго, право- славнаго, но надобно обратить вниманіе на то, какъ онъ анали- зируетъ общее понятіе о бракѣ и какія онъ выводитъ слѣд-

ствія изъ своихъ анализовъ. Общее понятіе о бракѣ Скачковъ разсматриваетъ съ шести различныхъ сторонъ: опредѣляетъ, что есть матерія таинства брака, его форма и т. д. Каждое частное опредѣленіе онъ выражаетъ словами какой-либо св. книги, имѣющими силу непоколебимаго свидѣтельства, особенно для раскольника. Что есть матерія, т. е. изъ чего бракъ происходитъ? спрашиваетъ онъ. Въ отвѣтъ на это онъ приводитъ слова Коричей: «вещь сея тайны есть мужъ и жена въ приобщеніи брака честно» и большаго катихизиса: «существо сея тайны — сопрягающіися.» Это опредѣленіе матеріи брака, говоритъ Скачковъ, совершенно справедливо и достаточно; ибо «всегдашній опытъ доказываетъ, что когда есть женихъ и невѣста, то изъ того и бракъ всегда производится, аще же нѣтъ жениха и невѣсты, то и бракъ не можетъ состояться». Послѣдними словами особенно Скачковъ предполагаетъ слѣдующее: изъ понятія о матеріи таинства брака не видно того, что онъ долженъ совершаться съ благо словенія священника. Эту же мысль онъ уже яснѣе высказываетъ, говоря о формѣ брака. «Что есть форма, спрашиваетъ Скачковъ, т. е., отъ чего бракъ приходитъ въ совершенство?—Оныя брачующихся глаголы, яко по любви сопрягаются и обѣтуются (большой катихизистъ); форма (брака) суть слова совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереешъ (Корич. гл. 51); форма есть исповѣданіе рѣчей ихъ предъ обрѣтающимися тогда, сирѣчь: хочеш ли мя? Хочу тя (Слово Гавріила Филadelphійскаго). Еслибы, замѣчаетъ послѣ сего Скачковъ, отъ священника проистекало браку совершенство, то сими свидѣтельствами было бы сказано: браку совершенство должно получить отъ іерея, а не предъ іереомъ; ино бо — имъ, ино бо — предъ нимъ. Посему возможность, дарующая браку полный образъ, суть токмо взаимное обязательство брачующихся, выражаемое словами: хочу, беру, иду, моею властію». Всѣ подобныя фразы, по мнѣнію Скачкова, доказываютъ, что священникъ въ этомъ случаѣ есть не больше какъ свидѣтель, что и безъ

его содѣйствія бракъ имѣеть значеніе таинства. Для опредѣленія «о дѣйствитель» (совершитель) таинства брака, Скачковъ беретъ слова большаго катихизиса: «дѣйственникъ сего тайны первое убо Самъ Господь Богъ, яко же Моисей боговидецъ пишетъ: раститесь и множитесь; еже и Господь утверждаетъ, глаголя: яже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ. Посемъ сами брачущіися себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголя: азъ тя посягаю въ жену, азъ же тя посягаю въ мужа.» Вслѣдъ за сими словами Скачковъ съ полною увѣренностію говорить: «сими доказательствомъ о дѣйствитель законнаго брака всѣ сомнѣнія уже въ насъ рѣшаются. Здѣсь всякъ, кто имѣеть чувство слуха и зрѣнія, ясно усматриваетъ, что возможность устроить бракъ состоитъ во власти брачущихся токмо. Кто же будетъ такъ мало правосуденъ, чтобы сію истину не утвердить въ ея справедливости? Говоря о концѣ брака (т. е. о цѣли), Скачковъ доказываетъ, что бракъ будетъ продолжаться до самаго скончанія міра, и что поэтому нельзя думать, будто онъ долженъ прекратиться вмѣстѣ съ священствомъ.

Положимъ, изъ всего сказаннаго Скачковымъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ могли согласиться на то, что бракъ, совершаемый безъ священника, имѣеть, подобно браку язычниковъ, нѣкоторое достоинство; но ему не довольно было этого: онъ идетъ дальше и самъ предлагаетъ вопросъ, почему бракъ называется тайною великою, тайною во Христа и во Церковь? «Не по обрядамъ какимъ-либо молитвословнымъ, отвѣчаетъ, или вѣнценоснымъ великолѣпостямъ: но по свѣтѣйшимъ свойствамъ Христова съ Церковію соединенія, но по теплѣйшей любви и тѣснѣйшей связи законосочетавшихся». Эту мысль онъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: бракъ называется тайною великою а) «по соединенію»: Христосъ Спаситель снишелъ въ міръ къ невѣстѣ своей св. Церкви и соединился съ нею; такъ и законобрачущіися оставляютъ своихъ родителей и соединяются другъ съ другомъ; б) по превосходству власти: зане мужъ глава жены, якоже и

Христось есть глава Церкви; в) по покорности: якоже Церковь повинуется Христу, тако и жены должны повиноваться своимъ мужемъ; г) по любви: мужи любите своя жены, якоже и Христось возлюбилъ Церковь; д) по промыслу: промысли и ты о ней (женѣ), якоже Христось о Церкви; е) по неразлучности: Христось вѣчно пребываетъ съ Церковію, и жена отъ мужа не разлучается; ж) по вѣчности пребыванія: Церковь вѣчно пребудетъ, и таинство брака продолжится до самаго скончанія міра».

Ясное дѣло, что подобныя схоластическія доказательства не имѣютъ никакого значенія и даже смысла для истиннаго, православнаго христіанина, потому что здѣсь самое слово церковь понимается Скачковымъ конечно не въ смыслѣ православномъ, а въ раскольническомъ безпоповскомъ, т.-е. церковь безъ всякой іерархіи. Для еедосѣвцевъ же, предъ которыми Скачковъ защищаетъ браки Покровской часовни, такія доказательства становятся неопровергаемыми: оны выводятъ ихъ изъ тѣхъ же началъ, которыхъ держатся сами еедосѣвцы, и по ихъ также мнѣнію церковь можетъ называться истинною безъ іерархіи.

Поэтому—то, когда Скачковъ сталъ распространять подобнаго рода свои сочиненія, тогда многіе сторонники Преображенскаго кладбища пришли въ крайнее недоумѣніе. Изъ провинцій сюда отправлены были посланія, гдѣ еедосѣвцы съ какимъ-то отчаяніемъ просятъ защитить ихъ отъ новыхъ учевій, разрѣшить ихъ различныя недоразумѣнія. Мы передадимъ въ короткихъ словахъ поводъ и содержаніе одного посланія, написаннаго жителями какого-то города Т. къ наставникамъ Преображенскаго кладбища. Здѣсь получено было строгое предписаніе кладбища «сохранять дѣвственную жизнь», не исполняющихъ же этого требованія изгонять изъ общества, «отлучать отъ церкви». По этому поводу многіе содѣяственные раскольники, «брачущіися», представили на это свои возраженія, выбранныя ими изъ сочиненій Скачкова и другихъ наставниковъ Покровской часовни, «которые,—пи-

шутъ жители города Т, мы неоднократно смотрѣли, но опровергнуть ихъ не могли. Да и возможно ли намъ сразу брачущихся, когда они много подробнѣе о бракѣ насъ разсуждаютъ и поражаютъ насъ — то матеріею, то формою, то конечными причинами». Вотъ, между прочимъ, какія возраженія не могли разрѣшить сами провинціалы еедостѣвцы, и на которыя просить отвѣтить наставниковъ кладбища. «Скажите намъ, пишутъ они, что изъ чина браковѣнчаннаго: священникъ ли самъ, или молитвы какія, или ектенія какая? Чинъ брака и чинъ вѣнчанія — оба они одно ли и тоже, и одинъ ли изъ обоихъ чинъ брака, или оба они въ раздѣльности разныя вещи? Чинъ вѣнчанный вкупѣ ли съ чиномъ брака произведены, или въ разныя времена, и который изъ нихъ другаго прежде? Когда жъ чинъ вѣнчанія послѣ, то до опаго у православныхъ былъ ли бракъ чинный? И какія вещи, и что суть части чина брака?... Сии и подобныя заданныя намъ предложенія сдѣлали наше православіе безгласнымъ; мы замолчали, въ насъ свѣдѣнія не стало. Впрочемъ мы не сдались на ихъ сторону и съ ними разошлись съ тѣмъ, что христіане московскіе сіе совершенно рѣшаютъ. Православные христіане! когда вы не объясните наше недоуміе, наше православіе падеть» (*).

Мы не знаемъ, какъ отвѣтило Преображенское кладбище на подобныя вопросы жителей города Т.; но только можемъ съ достовѣрностію предполагать, что наставники кладбища, вмѣсто того, чтобы разрѣшить подобныя недоумѣнія своихъ единомышленниковъ, старались предложить новыя возраженія Покровской часовнѣ относительно брака, чтобы такимъ образомъ подорвать къ ней всякое довѣріе.

Изъ болѣе замѣчательныхъ возраженій, приводимыхъ еедостѣвцами въ доказательство незаконности браковъ Покровской часовни, заимствованы ими изъ преданія, изъ исторій православной церкви. Но безпоповцы, разъ измѣнивъ право-

(*) См. рук. Публ. Библ. по отд. бракобор. сочин. № 33.

славной Церкви, отвергнувъ богоучрежденную іерархію, поэтому естественно должны были перемѣнить свой взглядъ и на св. преданіе. Они не высказываютъ прямого неповиновенія св. преданію; напротивъ даже любятъ доказывать, что они-то и есть собственно старовѣры, нисколько не измѣнившіе древней Церкви. А между тѣмъ всѣ мѣста изъ твореній св. отцевъ, всѣ основныя постановленія православной Церкви, неблагопріятствующія ихъ заблужденіямъ, безпоповцы отвергаютъ, не давая имъ свойственнаго значенія. Признавая напирѣзъ извѣстное установленіе истиннымъ и непреложнымъ, они въ то же время говорятъ, что оное имѣло полное значеніе и силу только въ свое время, а до нихъ людей живущихъ подъ другими условіями «оное не касается» такъ разсуждаютъ и покровцы и еедостѣвцы. Поэтому первые, зная конечно взглядъ на преданіе своихъ противниковъ, въ спорахъ съ ними держатся обыкновенно слѣдующаго правила: или стараются извѣстное возраженіе обратить противъ ихъ же самихъ, или противъ одного извѣстнаго свидѣтельства, приводимаго еедостѣвцами, принскиваютъ съ своей стороны нѣсколько другихъ, въ какомъ-либо отношеніи болѣе имъ благопріятствующихъ.

Покровская часовня еще съ 1771 года считаетъ только пять необходимыхъ условій къ совершенію законнаго брака: 1) согласіе жениха и невесты, 2) родительское благословеніе, 3) обрученіе, 4) свидѣтели и 5) мѣта сочетавающихся; но при совершеніи брака здѣсь не требуется никакого внѣшняго обряда,—ни молитвъ, ни вѣнчанія, положеннаго греко-россійскою Церковію, ни даже священническаго благословенія. По этому еедостѣвцы справедливо говорятъ, что безъ вѣнчанія и благословенія священника браки Покровской часовни не могутъ быть законны—«начаша беззаконны»,—что это противорѣчитъ исторіи православной Церкви: въ доказательство чего, они впервыхъ приводятъ слова св. Игнатія Богоносца: подобаетъ женищимся съ волею епископа сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ, а не во похоти.

Скачковъ сперва, не опровергая словъ св. Игнатія, предпосылаетъ еедосѣвцамъ слѣдующее возраженіе: Покровская часовня не считаетъ необходимою принадлежностью при совершеніи брака обряды вѣнчанія и благословенія священническаго, «яко Адамъ и Ева и послѣ Сифъ, отъ него же сыны Божіи именовавшася, Енохъ, иже угоди Богу, праведный Ной, спасшійся въ ковчегъ, и потомъ великіи угодники Божіи: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, да и по плѣненія Вавилонскомъ Захарія и Елисаветъ, Іоакимъ и Іоанна и ключаръ небеснаго царствія св. Петръ: сіи вси бракосопряженіи были, но чина вѣнчанія, каковъ положенъ въ греко-россійскихъ потребникахъ, на всѣхъ оныхъ не было; а всѣ сіи бракъ законный имѣли, и вси блудодѣтели не были и ни отъ кого не именовались». Что же касается до словъ, приводимыхъ еедосѣвцами изъ посланія св. Игнатія, то Скачковъ это возраженіе обращаетъ противъ ихъ же самихъ. По его мнѣнію, св. Игнатій издавалъ такого рода повелѣнія съ тою единственно цѣлію, чтобы подчинить простой народъ іерархіи: «понеже тогда святіи простой народъ привязывали къ чину священному, то и начатки овощей повелѣвали приносить къ священнымъ лицамъ; посему и св. Игнатій пишетъ: не лѣтъ есть безъ епископа ни крестити, ни жертвы проскомидати, ни церковныхъ пировъ совершати». Если же вы, обращаетъ онъ къ еедосѣвцамъ, считаете подобныя приказанія необходимыми на всѣ времена, то и крестить и дѣвствовать безъ епископа не возможно. Но аще безъ епископа дѣвствовать и крестить возможно (что признаютъ и сами еедосѣвцы), посему можно и законобратиться, тѣмъ наипаче, яко св. Игнатій глаголетъ: «съ волею епископа должно сочетоватися, а не вѣнчаться». Послѣ сего еедосѣвцамъ оставалось или признать самихъ себя отступниками Церкви, не согласными съ повелѣніемъ св. Игнатія, или сознаться, что бракъ покровцевъ есть законный, по крайней мѣрѣ настолько же, насколько законно принимаемое ими дѣвство и крещеніе. Но Скачковъ не ограничился тѣмъ, что обратилъ возраженіе еедосѣвцевъ противъ

ихъ же самихъ; онъ далѣе доказываетъ, что «безсвященные» браки издвна употреблялись православною Церковію: «Матвей канонистъ въ главѣ 8 въ толкованіи 38 правила Василія Великаго явственнo показываетъ, яко тогда упоминаемые имъ браки кромѣ всякаго священнословія состоялися; то же и Севастъ Арменополь въ книгѣ 8 объясняетъ, яко тогда (при Вас. Вел.) съ соизволеніемъ, а не съ священнословіемъ браки состояша, но зазрѣнія ни отъ правилъ, ни отъ закона, ни отъ кого не бывало». Но какъ же послѣ сего понимаетъ Скачковъ вѣнчаніе, какое значеніе онъ придаетъ ему? «Вѣнчаніе, говоритъ онъ, не есть тайна, ниже содѣйствіе въ тайну бракъ притворяющее, а есть токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное». Въ доказательство чего онъ приводитъ слова Максима грека: «а вѣнцы, ими же вѣнчаютъ свадьбы, по моему догаду, а по уставу писанному не имѣю тебѣ сказати; не случилось мнѣ видѣть толку о семъ;— обаче елико возможно догадаться, глаголю тебѣ: понеже убо писано во псалмѣхъ: жена твоя яко лоза плодovита и пр., лозе же виноградъ есть, изъ него же ягоды виночныя, глаголемыя по-татарски изюмъ, а по писанію гроздіе. Сего ради ев. отцы установили вѣнчати лозою виноградною, а не березною, поминающе тѣмъ образомъ плодоносіе добрыхъ дѣлъ къ Богу».

Второе возраженіе заимствовано еедостѣвцами изъ словъ царя Алексѣя Комнина: «кромѣ священнословія совокупающіися на грѣхъ сходятся.» Скачковъ прежде всего обращается къ своему возражателю съ слѣдующимъ совѣтомъ: «долженствовало бы вопросодателю прежде взяти оную книгу (т.-е. книгу Алексѣя Комнина), разогнувъ прочести, и вняти смыслъ рѣченій тѣхъ и познати: кто, когда, кому и для чего писалъ,—и тогда бы въ доводъ оное приводити.» Вслѣдъ за такимъ совѣтомъ, Скачковъ самъ отвѣчаетъ на эти вопросы, желая такимъ образомъ доказать, «что сіе установленіе Алексѣя Комнина къ ниспроверженію совершаемыхъ нынѣ браковъ соприкасаться не можетъ; писалъ сіе установленіе, го-

ворить онъ, греческій царь Алексѣй Комнинъ, когда церковь греческая пребывала въ мирномъ состояніи, когда не имѣлось въ дѣйствіи танихъ никакихъ недостатковъ. Писалъ онъ того ради, да будетъ, какъ и въ прочихъ тайнахъ, такъ и въ бракосочетаніи, одинаковое дѣйствіе надъ всеми; и чтобы рабы сподобляемы были, яко и господіе молитвословія іерейскаго: ибо до того времени едины господа токмо сподоблялись іерейскаго благословія, а рабовъ своихъ до сего не допускали, чтобы они не были свободны. Алексѣй же Комнинъ, желая таковой обычай измѣнить и таковое неравенство между единовѣрными прекратить, присовокупилъ для сего таковое изрѣченіе: кромѣ священнословія совокупающіися на грѣхъ сходятся; и аще се отъ кого-либо сотворится, да вѣдаютъ господіе, а рабъ своихъ чужди будутъ. Обставивши такимъ образомъ обстоятельствами и условіями, подъ вліяніемъ которыхъ Алексѣй Комнинъ издалъ это постановленіе, Скачковъ такимъ образомъ надѣялся ослабить силу возраженія еедосѣвцевъ. Опъ далѣе отсюда выводитъ такіа слѣдствія, будто а) браки, совершаемые безъ благословія священника, считались до Алексѣя Комнина законными, а что слѣдовательно б) они и послѣ него могутъ быть допускаемы, и наконецъ в) благословіе священника есть не больше, какъ обычай, который Алексѣй Комнинъ ввелъ во всеобщее употребленіе, а не существенная принадлежность сего таинства. Последнее положеніе Скачковъ ухищряется доказывать слѣдующимъ образомъ: «когда Алексѣй Комнинъ издалъ повелѣніе, спрашиваетъ онъ, считать законнымъ бракомъ совершаемый не иначе какъ съ благословіемъ священника, то переѣнилъ ли сущность брака?» и вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ этого вопроса онъ думаетъ ниспровергнуть возраженіе. «Всякій имѣющій здравый разумъ скажетъ, что сущности вещей, равно и брака, непремѣняемы. Да и какъ возможно государю, таковому же какъ и прочіе по существу человѣку, но токмо яко начальнику въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ отъ всѣхъ честію почтенному,—сущность брака отъ Са-

ного Бога опредѣленную измѣнить? Посему и видимъ, что какъ прежде, такъ и послѣ Комнина и въ невѣрныхъ и ино-
вѣрныхъ, у коихъ священнословіе бывати не могло, браки
пробывали неизмѣнно и отъ св. церковныхъ учителей имено-
вались законными. Ибо по воспріятіи таковыми православ-
ныя вѣры ничего надъ ними церковными установленіями
дѣйствовать не предано; они бывали оставляемы безъ всякаго
направленія и навершенія. Притомъ, еслибы Алексій Ком-
нинъ сущность брака и переимѣнилъ, то о томъ, какъ цер-
ковь, такъ и онъ самъ не умолчалъ бы.» Но при всеиъ этомъ
Скачковъ, не желая показать себя отвергающимъ авторитетъ
Алексія Комнина, вслѣдъ за предшествующими словами
высказываетъ, что хотя установленіе Комнина совершать
браки съ благословенія священника имѣть полную силу,
хотя не исполняющіе этого повелѣнія должны подвергнуться
осужденію Церкви, но впрочемъ оное наказаніе относится
только къ тѣмъ, которые самовольно презираютъ и гнушаются
священнослужителей, а не къ тѣмъ, которые съ любовію же-
лаютъ имѣть единогласнаго священника.

«Итакъ окончивавше второе (возраженіе), приступаемъ раз-
смотрѣти третіе. «Изъ исторіи русской церкви видно, гово-
рятъ оедосѣвцы, что безсвященнословные браки издавна
именовались незаконными и наказывались эпитиміями, въ
доказательство чего приводятъ слова кievскаго митрополита
Іоанна. «Иже кромѣ божественныя Церкви, кромѣ благосло-
венія творяще свадьбу тайно, иже ея тако понимаютъ, яко же
блудныиъ, ипитимія даютъ.»

Возражатель, отвѣчаетъ Скачковъ, едва ли самъ знаетъ разумъ
словесъ Іоанновыхъ; ибо оное изрѣченіе нынѣ дѣйствующимъ
бракамъ противоположаться не можетъ: здѣсь онъ глаголетъ
не просто о совокупляющихся, но о совокупляющихся тай-
но. Придавъ такой смыслъ словамъ митрополита Іоанна,
Скачковъ продолжаетъ: «тайное же бракосовокупленіе, хотъ и
съ іерейскимъ благословеніемъ бываемо, есть незаконно; и
потому оно не только не освобождаетъ сочетавшихся отъ на-

именованія блудниковъ, но и священника, дерзнувшаго сіе сотворити, подвергаетъ наказанію. А къ тому тайное сопряженіе тогда иначе быть не могло, какъ токмо по причинѣ каковыхъ ни есть законныхъ препятствій, какъ-то: или безъ родительскаго благословенія, или безъ воли владычествующихъ. Нынѣ же у правомудрствующихъ христіанъ дѣйствуюмы браки бывають не тайно, но явно и съ родительскимъ благословеніемъ; посему и не могутъ подпадати подъ наказаніе блудниковъ, но суть законны и правильны.» Затѣмъ Скачковъ показываетъ признаки, по которымъ должно узнавать незаконное бракосопряженіе. «Незаконные браки бывають тамъ, гдѣ по подобію, бывшихъ во время Ноя, исполновъ, содѣваются оныя, не въ вѣчно нерасторжимое житіе, но токмо въ удовольствіе своего сладострастія,—гдѣ хотящій женитися тайно согласившеся уходятъ, не извѣстивши никому о семъ, гдѣ, наконецъ, по презрѣнію отбѣгаютъ православныхъ іереевъ.» Перечисливъ эти признаки незаконнаго брака, Скачковъ тѣмъ самымъ укоряетъ еедостѣвцевъ, которые равнодушнѣе смотрять на браки новоженновъ, на браки не имѣющіе даже никакого гражданскаго значенія, составляемыя только на время, безъ согласія родителей и тайнымъ образомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что еедостѣвцы, сами невѣрные св. предацію, не могли доказать покровцамъ, даже свидѣтельствами исторіи церкви, незаконности «безсвященнословнаго брака»,—и что покровцы при самомъ же началѣ споровъ имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ.

Не менѣе успѣшно защищаль предъ еедостѣвцами семейную жизнь другой настоятель Покровской часовни, московскій купецъ Заяцевскій.

Еедостѣвцы окончательнѣе отдѣлились отъ покровцевъ за принятіе послѣдними брака. Они даже признали за совершенную невозможность когда-либо примириться съ ними. Заяцевскій смущается этимъ явленіемъ; онъ вполнѣ убѣжденъ, что главный и существенный признакъ истинной и православной Церкви есть совершеннѣйшій миръ и полная

любовь между ея членами. Поэтому ему крайне прискорбно видѣть раздоръ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней; и онъ, не теряя надежды на примиреніе, рѣшается писать увѣщательное слово къ еедосѣвцамъ, особенно къ начальствующимъ изъ нихъ, которые «по обязанности своей должности и изъ любви къ ближнему необходимо должны единѣ ко единому обратиться и благимъ совѣтомъ рѣшить, что есть ради всѣхъ вообще и каждого особенно полезное и вредное»,—т.-е. дѣтство ли, признаваемое еедосѣвцами, или бракъ, допускаемый поморцами. Предполагая, что «зѣло возможно находящееся о законномъ бракѣ сомнѣніе рѣшить, ибо нынѣ есть время благопріятное, нынѣ есть время свободы, а не принужденія и тѣсноты, нынѣ слово Божіе не вяжется», Заяцевскій съ этою цѣлю старается убѣдить еедосѣвцевъ, что бракъ допустить безпоповцу возможно и даже необходимо. Надо замѣтить, что главная и почти единственная цѣль Заяцевскаго именно и состоитъ въ томъ, чтобы доказать эти два своя положенія; онъ не столько заботится убѣдить еедосѣвцевъ въ законности брака Покровской часовни, сколько старается доказать имъ возможность и необходимость для раскольниковъ—безпоповцевъ брачной жизни. Правда, и Заяцевскій, подобно Скачкову, приводитъ нѣсколько свидѣтельствъ, особенно изъ большого катихизиса, на то, что бракъ Покровской часовни есть таинство и совершенно законенъ, но все это онъ признаетъ не безусловно. Очень замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, вслѣдъ за доказательствами законности брака покровцевъ, Заяцевскій дѣлаетъ уступки, высказываетъ сомнѣніе въ законности этого брака. Для него во всякомъ случаѣ идеаль полнаго, совершенно законнаго брака есть бракъ совершаемый съ благословеніемъ священника, поэтому-то у него встрѣчаются нерѣдко такого рода выраженія: «содѣйствіе закопнаго брака, бываемое безъ священнослуженія, прощенія достойно.»

Нельзя сказать, что Заяцевскій поступилъ необдуманно,

высказавъ предъ еодостѣвцами почти прямое признаніе несовершенства «безсвященнословнаго» брака. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло; онъ очень ясно понималъ, что безпоповцы Преображенскаго кладбища не признаютъ брака не столько изъ боязни потерять спасеніе, сколько съ тою цѣлю, чтобы и поселившись въ Москвѣ удержать за собой главный и существенный признакъ, характеризующій безпоповца — аскетизмъ. Поэтому-то Заяцевскій защищаетъ и то положеніе, что безпоповцу возможно и простиительно вступить въ бракъ; главнымъ же образомъ доказываетъ, что брачная жизнь, особенно при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно необходима.

Въ доказательство перваго своего положенія онъ проводитъ такого рода мысль: безпоповцы позволяютъ самимъ себѣ, помимо іерархіи, совершать крещеніе, покаяніе и т. д. и, допуская все это, они не теряютъ надежды получить спасеніе, слѣдовательно, почему же имъ не допускать въ своемъ обществѣ совершенія браковъ; слѣдовательно еодостѣвцы несправедливо поступили, отдѣлясь отъ покровцевъ, когда послѣдніе признали семейную жизнь. «Неимѣнія ради единомысленнаго служителя, говоритъ онъ, мы можемъ лишиться св. крещенія, покаянія и по смерти поминовенія, не говоря уже о пѣніи службы, вечерни и утрени, часовъ и прочаго, что запрещено есть гангрскаго собора правиломъ 6-имъ, да и современникомъ св. апостоловъ Игнатіемъ Богоносцемъ крестити и прочаго содѣвати не повелѣно есть, однако все сіе по нуждѣ неимѣнія (а не по презрѣнію духовныхъ лицъ) возможно простолудиномъ творити: токмо едино брачное сочетаніе безсвященнословное нѣкимъ кажется странно и опасно; но прибѣгнемъ ко всесильному нашему архіерею, прошедшему небеса Христу и на Него возложимъ все наше упованіе; и аще грѣхи, творимые по нуждѣ, законы прощаютъ, то кольми паче содѣйствіе законнаго брака прощенія достойно: ибо оно по нуждѣ, а не по презрѣнію священнослужителей дѣйствуемо бываетъ.»

Не желая долго останавливаться на бесплодныхъ доказа-

тельствахъ святости и законности брака Покровской часовни, Заяцевскій главнымъ образомъ старается развить въ своемъ увѣщательномъ посланіи ту мысль, что дѣвственный путь открытъ не для многихъ, что даже и избранныя нерѣдко падаютъ на этомъ пути, а слѣдовательно безразсудно требовать отъ всѣхъ дѣвственной жизни и совершенно избѣгать брака.

«Похоть плоти пребываетъ и будетъ пребывать вѣчно, и она вложена отъ Всемогущаго Творца не ради того, чтобы вышесильною неволею удерживать всѣхъ въ безсупружномъ и дѣвственномъ житіи, но ради того, чтобы чрезъ оное умножился родъ человѣческій.» Законы божественные не измѣняются въ природѣ, въ доказательство чего Заяцевскій обращаетъ вниманіе еедостѣвцевъ на окружающій міръ животныхъ, гдѣ преемство родовъ чрезъ подобіе соблюдается: конь коня преемникомъ творить, левъ—льва, орелъ—орла, и никакое время не раслѣвываетъ животныхъ свойства, но яко бы нынѣ устроено было, естество всегда купно со временемъ течеть. И аще безсловесныя животныя, по Божію благословенію, продолжаютъ и продолжать будутъ бытіе свое, вся бо на земли и въ водахъ пребывающая и по воздуху летающая рождаются и рожаютъ, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ своего рода наслѣдіе,—како же человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, а притомъ и честною Его кровію очищенный, таковаго Божія благословенія лишится и будетъ претерпѣвать отъ воспаленія плоти великую нужду и неволею носить не всѣмъ удобоносимое бремя? Выходя изъ этого общаго положенія, Заяцевскій увѣряетъ еедостѣвцевъ, что невозможно переимѣнить естества уставы и умноженіе человѣческаго рода уничтожить и упразднить, что не могутъ же еедостѣвцы весь міръ обязать къ непрестанному дѣвству, а потому необходимо должно допустить бракъ; и обязательное и безусловное дѣвство непрестанно должно ихъ привести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ.

«Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ того,

что если дѣвственная жизнь становилась обязательною необходимою для цѣлаго общества или сословія людей, то отъ сего происходили страшные пороки и нечестія. Когда Григорій св., папа римскій, прозываемый Двоесловъ, издалъ повелѣніе, чтобы священно-служителямъ не имѣть женъ, что они видимо и исполняли, а тайно дѣлали различныя грѣхопаденія; и когда случилось святѣйшему папѣ приказать въ своемъ прудѣ ловить рыбы, тогда рыболовцы наловили 4000 младенческихъ головъ, что привело папу и всѣхъ въ великій ужасъ и удивленіе. Однако узнали, что сіи младенцы рождены отъ тайныхъ священно-служительскихъ любодѣяній. Но какъ папа былъ причиною возбраненія женитьбы, то онъ, принявъ въ томъ вину, приноситъ въ томъ покаяніе (*). Здѣ должно воззрѣть на таковое св. Григорія повелѣніе, хотя онъ и святъ и великъ угодникъ Божій, а притомъ пренудностію и разумомъ украшенъ изобильно, и св. Писанія искушатель и зналъ о семъ, что Христосъ своими пречистыми устами рекъ: не вси виѣщаютъ словеси сего и пр., но не могъ вникнуть въ сіе, что неудержимое удержать невозможно, а паче вредно.

«Жизнь чисто дѣвственная можетъ быть допускаема, какъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Сила похоти есть столь велика, что можетъ противъ оныя вооружиться и твердо встать развъ той, кому особенно вліяна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и многія добродѣтели. Мы видимъ, что даже и избранные Божіи, которые въ удаленіи отъ міра пребывали и чудотворенія даръ имѣли, мужіе знаменитѣйшіе и въ старость лѣтъ пришедшіе, плѣнены были похотію естества и съ неудержимымъ стремленіемъ впади въ пороки страстей». Въ доказательство чего Заяцевскій, привелъ множество примѣровъ изъ жизни св. отцевъ, говорить: «и аще столь великіе мужи, удаляющіися отъ міра, живущіе въ пустыняхъ, ядушіе простую и прискорбную пищу, и водою

(*) Къ сожалѣнію, Заяцевскій не указываетъ, гдѣ онъ заимствовалъ этотъ фактъ.

свою жажду утоляющіе, спящіе на голой землѣ, а посему и одежды худыя носящіе, ниспадали въ стремнину плотскихъ страстей, то еедосѣвцамъ, которые не удаляются отъ міра, а напротивъ всѣми возможными средствами стараются приобрѣсти богатство, не слѣдовало бы возбранять законно женитися. Дѣвственная жизнь для людей живущихъ въ мірѣ совершенно невозможна, особенно же для тѣхъ, кои жизнь свою препровождаютъ не въ отдаленіи отъ міра, но внутри его, яко посредѣ много волновательнаго моря, гдѣ пространныя дома возвышаютъ мысли, прекрасныя и свѣтлыя покон увеселяють очи, многоцѣнная трапеза и различные напитки услаждаютъ вкусъ, мягкія постели упокояють тѣло, красныя одежды привлекають зрѣніе прочихъ, частые разговоры, близкія сношенія съ различнымъ поломъ, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія умножаютъ веселости и прочее,— здѣ сомнительно есть дѣло — непорочно въ души и тѣлеси соблюсти свое дѣвство. Но ежели можетъ огонь со льномъ единокуйно летати, или порошокъ на угліи ввергнуть быти и не горѣти, то и тогда едвали можно живущему посреди дѣвъ и женъ, владостію цвѣтущихъ и свѣтлоблистательными одеждами упещренныхъ, соблюсти себя чиста». Представивъ такую обстановку жизни членовъ богатаго Преображенскаго кладбища и доказавъ нагляднымъ образомъ, какъ при такомъ положеніи безразсудно требованіе безусловнаго дѣвства, Заяцевскій снова убѣждаетъ еедосѣвцевъ ко вступленію въ честный бракъ, дабы продолжился родъ человѣческой и число избранныхъ въ царствіе небесное увеличилось. Въ противномъ случаѣ, ежели будетъ возбранено законное бракосочетаніе, Заяцевскій предсказываетъ крайнее развращеніе еедосѣвцевъ: «могутъ произойти великія сквернодѣянія, откроются мерзостныя и гнусныя пороки и произрастетъ различнаго рода истребленіе, умножится всякое беззаконіе не меньше Содома и Гомора. Ибо ежели человѣкъ видаеть въ безчестныя и беззаконныя сквернодѣянія и гнусныя пороки, то егда обрящеть гдѣ со-

гласное себѣ лице, способное жѣсто и удобный случай, тогда невоздержно, аки конь свирѣпый, устремляется ко исполненію своего мерзостнаго желанія, не разбирая времени, не разсуждая праздника и поста. И ежели отъ таковаго зазорнаго дѣянія зачнетъся и родится младенецъ, то отецъ и мать, яко о чуждо рожденномъ, не будутъ стараться о его соблюденіи здравія, о воспитаніи и наученіи христіанскаго закона и гражданскаго честнаго жительствова и поведенія. Но что жъ къ сему можетъ привести? Не иное что, какъ токмо превосходящее многихъ людей силы отъ законнаго брака удержаніе. Того ради лучше не внимать незаконнымъ и отвращати очи разума и придерживаться тѣхъ, кои правомуудро разсуждаютъ о законномъ бракѣ, не боясь страха, идѣже нѣсть его».

Свое сочиненіе Заяцевскій кончаетъ стихотворнымъ воззваніемъ къ читателю:

Прилежно ли читалъ, любезный благодѣтель!
 Узнавалъ ли, что творитъ премудрый Богъ, Содѣтель?
 Онъ тварь сію произвелъ, чтобъ славиться Ему,
 Уставомъ тѣмъ, текла къ концу бы своему.
 Всегда бы тамъ бжюла Его установленье
 Какое въ существѣ ей далъ опредѣленье:
 Какъ множиться, расти, всегда такъ пребывать
 И вида своего никакъ не измѣнять.
 Онъ создалъ выше всѣхъ словесна челоуѣка,
 И тварь всю покорилъ владѣть ему до вѣка.
 Онъ мужа и жену на свѣтъ сей произвелъ,
 И жизни ихъ конецъ поставилъ имъ предѣлъ,
 И бракъ опредѣлилъ, чтобъ людемъ умножаться
 И самымъ токмо симъ во вѣки продолжаться.
 Хотя и честенъ бракъ, но ниже дѣвства есть,
 Не можетъ съ дѣвствомъ онъ имѣть такую жъ честь.
 Прекрасно дѣвство есть, кто чисто соблюдаетъ,
 И всѣ пороки прочь далече прогоняетъ.
 Потщимся соблюдать, что можемъ мы вмѣщать
 И тѣмъ Создателя усердно прославлять,
 Къ сему обязаны вси вѣрни челоуѣки
 Усердно возглашать ему аминь вѣвѣки. (*)

(*) См. рук. Публ. Библ. № 27.

Изъ сочиненій Скачкова и Заяцевскаго мы уже видѣли, какой взглядъ, какія понятія имѣеть Покровская часовня о бракѣ. Хотя различныя возраженія, представляемыя еедосѣвцами относительно этого предмета, и поколебали на нѣсколько увѣренность покровцевъ въ несомнѣнной законности защищаемаго ими брака, — можетъ быть вслѣдъ за Заяцевскимъ и другіе повторяли его мысль «безсвященнословный не болѣе какъ извинительнъ, прощенія достоинъ»; — но не смотря на это покровцы, выходя изъ извѣстныхъ убѣжденій имѣли настолько силы, что могли защитить, довести до конца свои положенія. Притомъ они не только въ теоріи, но и на самомъ дѣлѣ остались вѣрными брачной жизни (*). Но на какомъ же основаніи еедосѣвцы проповѣдуютъ необходимость своего всеобщаго безусловнаго дѣвства? Какъ они понимаютъ его? Наконецъ насколько сами себя вѣрны эти «чистіи дѣвственники»?

К. Н — вѣ.

(До слѣдующей книжки).

(*) См. Исторію Покровской часовни въ *Прав. Обзорникѣ* 1863 г. №№ 6 и 7.